

Храм мотыльков

Автор:

Вячеслав Прах

Храм мотыльков

Вячеслав Прах

Новая психологическая драма Вячеслава Праха – это паутина загадок, интриг и тайн, умело переплетенных между собой. И когда вам начинает казаться, что все уже понятно, будьте уверены – вы попали в ловушку.

Доктор Браун, психиатр с двенадцатилетним стажем, приезжает в психиатрическую клинику, чтобы получить должность главного врача. Однако по приезду он понимает, что действующий главврач не готов уступить свое место просто так. И доктор Браун вступает в опасную игру с единственным условием – установить личность пациента, о котором не известно ничего...

Вячеслав Прах

Храм мотыльков

© В. Прах, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава первая

– Он называет себя Ричардом Ло. Не совсем уверен, что это его настоящее имя. Впрочем, вам придется самому это выяснить, доктор.

– Это все, что вы мне можете сообщить о моем пациенте?

Фредерик Браун, психиатр с двенадцатилетним стажем, улыбнулся миниатюрному человеку в очках, своему пожилому коллеге, смотревшему на него с неподдельным любопытством. За толстыми стеклами очков можно было рассмотреть насмешку в маленьких хитрых глазах.

– Он заявляет, что владеет гипнозом, и я бы не советовал вам, уважаемый доктор, снимать повязку с его глаз.

– Хорошо, – ответил человек, которому были не слишком интересны особенности его нового пациента, можно даже сказать – подопечного и будущего друга. В этом заключался метод Брауна – становиться другом для своих пациентов.

Фредерик взял пустую историю болезни Ричарда Ло, попрощался со своим низкорослым коллегой, психиатром Стенли, и отправился в палату, находившуюся на последнем этаже четырехэтажного здания, которое люди не привыкли посещать по своей воле.

– Посмотрим, – пробормотал себе под нос специалист в области познания и изучения человеческой души. Доктор Браун был уверен в себе, как и всегда. Особую радость ему доставляло знакомиться со своими пациентами, раскрывать их, как закрытую тонкую тетрадь, и вносить в их размеренную, удивительную жизнь свой собственный почерк. Ему казалось, что он подобен Богу, когда в его руках оказывалась хрустальная человеческая судьба, которая не способна была ему противостоять. Да и есть ли особый смысл в противостоянии со стороны его нового увлечения, его новой куклы, жертвы, которая зацепила липкую прядь и угодила в его паутину? Есть ли смысл в сопротивлении жалкой мухи, когда в роли ее противника выступает паук? Нет, конечно, доктор Браун не видел в отражении зеркала паука, ведь он был человеком науки, заложником душевных болезней своих открытых тетрадей. Никогда мужчина, направлявшийся к одиночной палате, расположенной прямо у зеленой деревянной лестницы, по которой он поднимался, с которой можно было запросто прыгнуть головой вниз и разбить вдребезги хрусталь тела, жертва психических расстройств своих больных, не признавал себя хищником. Лишь добычей, которую можно засунуть

в горло зверю, но невозможно проглотить. Высокий, статный, Фредерик Браун был подобен хирургу, для которого человеческое тело – это его органы и их жизнедеятельность. Но в отличие от вышеупомянутого специалиста его еще интересовала душа, из которой было не так просто отсечь все лишнее... Доктор Браун, тридцатидевятилетний мужчина с военным прошлым и небольшой залысиной на затылке, которую он пытался так усердно скрывать изо дня в день, зачесывая свои волосы назад, знаток человеческой сущности – поэт, не иначе, знал, что главный инструмент в его работе – это не аппарат электроконвульсивной терапии (ЭКТ), а всего-навсего – губы, вернее, слова. Только словом можно исцелить неизлечимое – так думал он на протяжении уже двух десятков лет. И чаще всего ему это удавалось.

* * *

– Здравствуйте, Ричард, – громко сказал вошедший в комнату доктор и на мгновение застыл на месте, чтобы внимательнее рассмотреть сгорбленное подобие человека, сидевшее в самом конце палаты у стены.

– Добрый вечер, доктор, – прозвучало с полным безразличием в ответ.

– Позвольте мне у вас спросить, – осторожно сказал Фредерик, подходя ближе к жалкому существу в плотно завязанной смирительной рубашке с темной повязкой на глазах. Недалеко от Ричарда Ло стоял стул.

– Спрашивайте, – ответил мужчина лет сорока – сорока трех, судя по состоянию кожи шеи и морщинистому лбу. В истории болезни не был указан его возраст.

Исследователь подошел к свободному деревянному стулу, стоявшему в середине комнаты, и присел на него.

– Откуда вы узнали, что сейчас вечер? В вашей комнате нет окна, а если бы и было, то вряд ли бы вам удалось в него заглянуть.

– Хорошее замечание, доктор, я думал, вы пропустите мимо ушей. В моей комнате нет окна... – улыбнулся Ричард Ло. – Вы заблуждаетесь, человек, разговаривающий со мной любезно! Вы заблуждаетесь еще сильнее, если думаете, что я не могу в это окно посмотреть.

– Я был бы вам признателен, Ричард, – аккуратно продолжал доктор Браун, который всей душой хотел помочь своему собеседнику, вылечить его и навсегда оставить в пыльном прошлом; утаить в самом укромном уголке себя – не человека, Ричарда Ло, которого он однажды вылечил, не такую банальность, как его недуг, а себя, победившего в тысячный раз, победившего неподдающееся, излечившего неизлечимое, пронесшего свет через тьму и зажегшего этот свет во тьме! Но на данном этапе лечения Фредерик хотел своего пациента всего-навсего открыть. История болезни – это еще не сам пациент. Не его прошлое. Не его демоны.

– Можно вас называть Ричардом?

– Как вам будет угодно, доктор. Вы здесь – главный.

– Хорошо. Я был бы вам благодарен, Ричард, если бы вы рассказали мне о том, как отличаете день от вечера. А утро – от ночи. Или ваше заявление о том, что сейчас вечер, – это был выстрел наугад?

Доктору показалось, что на лице его пациента бегло проскочила эмоция, но из-за повязки Браун не смог ее считать, лишь предположил, что это было удивление.

– Что значит – выстрел наугад, доктор? Я бы хотел, чтобы вы представились. Мне очень неудобно разговаривать с человеком, имени которого я не знаю.

– Меня зовут Фредерик Браун. Я – тот, кто вам может помочь. Собственно, потому я и здесь, как вам уже известно. Вы удовлетворены, Ричард? Если да, то прошу вас ответить на мой вопрос.

– Я удовлетворен, доктор, – сказала сгорбленная, обессиленная муха, которая уже дней сорок как перестала сопротивляться паутине, но еще не подохла. Фредерик не мог понять, за что с его собеседником так жестоко обошлись, лишив возможности ходить, ползать, шевелить руками, даже видеть, при всем этом в комнате было невыносимо душно. Сколько его уже не мыли – неделю, две?

– Я с радостью готов ответить на ваш вопрос, – продолжил Ричард Ло, – если вы напомните мне, каков снег на ощупь. Я, к большому сожалению, лишен возможности его потрогать на данном этапе своей жизни. Насколько я знаю, сейчас за окном метель.

Доктор Фредерик секунду помолчал, а затем решил уступить пешку на шахматной доске.

– Я не знаю, каков снег на ощупь, Ричард, я его давно не трогал. Это имеет значение для вас?

И вправду, доктор Браун каждый зимний день слышал, как под подошвами его дорогих и теплых сапог хрустит сугроб, чувствовал, как ледяная снежинка залетает в то место, где шарф плохо прикрывает шею. Как белая ледяная консистенция, будучи когда-то самой обыкновенной водой, тает у него на носу и на ладонях, когда он снимает перчатки. Боже, какая ерунда. Кто о таком думает вообще?

– Имеет, – тут же ответил Ричард Ло. – Мы с вами не в одинаковом положении, доктор, но вы, как и я, лишены возможности потрогать снег.

Фредерик, глаза которого были полными тьмы, карими, улыбнулся про себя, но ничего не ответил. «Разве я лишен возможности потрогать снег? Нет, не лишен. Этой возможностью я пренебрегаю по собственному желанию, в отличие от вас!» Наступила небольшая пауза, а затем Ричард Ло, не услышав ничего от доктора Брауна, продолжил:

– Как я отличаю день от ночи? Это очень просто, и мне придется вас разочаровать, если вы имеете, конечно, фантазию, доктор, и ваше воображение уже выдало невероятные версии на этот счет... Я спросил об этом у своего личного санитаря Гарри за несколько минут до вашего прихода. Он навещает меня куда чаще, чем Мессия навещал иудейский народ. Он приходит по несколько раз на дню, я его узнаю по его личному, неповторимому запаху. Знаете, такой аромат дешевого сильного одеколona, которым пользовались еще наши деды в своей забытой молодости. Мы с Гарри иногда разговариваем, когда он приносит мне еду. Мы говорим с ним о многом...

– Например? – спокойно спросил доктор.

– Например, о том, что если бы у всех людей души были здоровыми, а сознание – абсолютно цельным, то вы бы лишились своего хлеба, доктор Браун. Ваш хлеб – сладкий или горький? Получаете ли вы истинное удовольствие, разговаривая с такими, как я?

– Я делаю свою работу, – спокойно и уверенно ответил ему Фредерик и перевел взгляд на свои часы. Была уже четверть девятого, ему, примерному семьянину и главе семьи, нужно было еще успеть забрать свою прелестную супругу и сына из театра.

– А я получаю наслаждение, доктор, общаясь с такими, как вы. Именно поэтому я и здесь.

– Вы пришли сюда по своей воле, Ричард? – спросил Браун просто так. Конечно же, сюда никто не приходит по своей воле. Судя по их беседе, доктор давно уже понял, что его новый друг не совсем еще потерял рассудок и даже обладает некими остатками ума, которые ему сохранили другие доктора, решившие не лечить своего странного гостя током.

– Да.

– Прошу прощения, – Фредерик не поверил своим ушам и совсем не был готов к такому повороту событий. – Правильно ли я понял, что вы пришли в психиатрическую лечебницу по своей воле?

– Верно.

– Почему?

Не то чтобы Фредерик поверил этому заявлению, но ему хотелось услышать эту удивительную историю самого искреннего на свете лгуна. Его, конечно же, предупредили бы, что Ричард Ло пришел сюда сам.

– Я пришел, потому что мне хотелось получить у вас работу, согласитесь, что общаться с людьми моего теперешнего ранга – неопишное наслаждение, а еще и полагать, что их можно вылечить, – верх всякого блаженства и самонадеянности. Но вместо того, чтобы взять меня на самую скромную

должность, скажем, хотя бы санитаром, как Гарри, меня приписали к больным. Не самый приятный поворот, правда, доктор? – ухмыльнулся Ричард Ло.

Фредерик не мог составить четкий портрет своего собеседника – он знал о нем слишком мало, практически ничего.

Ни один мускул на лице психиатра не дрогнул. Доктор не нашел в словах больного ничего забавного и решил перевести разговор в другое русло. Где нет лжи, а только факты и правда.

– В вашей истории болезни указано, что вы владеете гипнозом. Расскажите мне об этом.

– Снимите с меня повязку, доктор.

Эта странная просьба должна была быть проигнорирована специалистом в области исследования тюрем и плохо освещенных темниц, куда люди попадали против собственной воли, так как снять повязку с глаз того, кому надели эту повязку другие, зная о нем куда больше, было бы неуместно и даже опасно. Фредерик не мог позволить этому человеку взглянуть на комнату, плохо освещенную желтым тусклым светом, от которого быстро устают глаза, на деревянный стул, бетонный пол под ногами и небольшой деревянный столик, на котором стояла ваза с искусственным цветком – тюльпаном с розовым бутонem. Он не мог позволить своему пациенту взглянуть на все это, а уж тем более – в собственные глаза. Доктору Брауну было известно о Ричарде Ло только то, что у него обнаружено острое психическое расстройство. Почему ему предоставили так мало информации?

– Что будет, если я сниму с вас повязку, Ричард? – спросил доктор прежним спокойным голосом.

– Я смогу доказать вам, что не болен.

– Так докажите мне это с повязкой, Ричард. Человеку, чтобы доказать, что он здоров, необязательно видеть тусклый свет этой комнаты или мои глаза.

– Вы ошибаетесь.

– Почему?

– Потому что у вас темные глаза, доктор. Потому что ваш неряшливо завязанный серебристый галстук слишком давит на мои глаза.

Фредерик затаил дыхание и услышал стук своего сердца. Не в ушах, а изнутри, словно из пустой коробки, раздавался грохот. Браун всем телом почувствовал, как взгляд сгорбленного человека обшаривает его со всех сторон. Или это доктору сейчас показалось, а на самом деле больному о цвете его глаз и галстуке рассказал санитар Гарри, с которым они иногда ведут разговоры по душам.

– В вашей повязке есть щель, сквозь которую вы видите меня?

– Я думаю, что нет.

Доктор встал со стула и направился к выходу. У двери он остановился и постучал. За ней послышался низкий мужской голос.

– Доктор Браун? Чем я могу вам помочь?

– Зайдите, Гарри.

Дверь открылась, и в комнату, обитую плотным слоем ваты, вошел невысокий худой мужчина. Первое, что заметил доктор, окинув беглым взглядом санитар, – тремор рук и нерешительность во взгляде.

– Будьте добры, Гарри, принесите плотную темную повязку.

– А в чем дело, доктор?

– В повязке моего пациента есть щель.

– Но, доктор... На нем самая плотная повязка, – сказал осторожно санитар, словно оправдываясь и извиняясь. Доктору Фредерику показалось, что Гарри над ним издевается.

– Как это понимать?

– Меня вчера просил принести новую повязку доктор Стенли. У меня других больше нет.

– Вот, значит, как... Решили мне устроить сюрприз... Ну, хорошо. – Доктор о чем-то глубоко задумался, а затем сказал: – Не смею вас задерживать, Гарри. Можете возвращаться к работе.

– Хорошо, доктор Браун.

– Гарри... – врач снова его остановил. – Сделайте мне маленькое одолжение, – сказал он шепотом, чтобы эти слова не услышал Ричард Ло. – Не сообщайте, пожалуйста, моему пациенту, день на дворе или ночь.

– Как скажете, – послушно кивнул санитар, который не мог дожждаться, когда же его наконец отпустят пить свой вкусный травяной чай.

– Ступайте.

Дверь закрылась, и доктор медленно направился к необычайно любопытному экземпляру, сидевшему в нескольких шагах от пустого стула, который уверенно занял Браун. Теперь воображение Фредерика начинало выдавать самые невероятные и удивительные версии, почему с Ричардом Ло так негуманно обошлись, лишив всяких человеческих привилегий. «Глоток свежего воздуха – это тоже привилегия», – почему-то пришло на ум доктору Брауну.

– Расскажите мне, Ричард, почему вы хотели лечить людей с такими странными заболеваниями? Ведь есть масса других специальностей в иных областях медицины.

– Вы очень любезны и обходительны со мной, доктор Фредерик. И, несомненно, я очарован вами, – сказал человек, который явственно видел его перед собой, несмотря на плотную повязку.

– Что? – в недоумении спросил доктор.

– Вы научились полностью управлять своими эмоциями, не давая им сбросить себя с седла на скаку. Чего, к сожалению, не удалось моему предыдущему собеседнику – доктору Стенли.

– Я так и подумал...

– Почему вы не спросили у меня, как мне удастся видеть сквозь толстый слой ночи ваше лицо?

Доктор задумался.

– Мне кажется, Ричард, что ваш ответ сможет сейчас полностью удовлетворить мое любопытство, но я здесь, чтобы вам помочь. И я готов играть в вашу игру. Мне совсем не важно, воспринимаете вы меня как своего врага, соперника или друга, я помогу вам, несмотря ни на что! И в первую очередь, – доктор снова взглянул на часы и понял, что ему уже пора, – в первую очередь, Ричард Ло, мне предстоит собрать пазл вашего «Я» с самого начала, а не с конца.

– Вы любите головоломки, доктор?

– Нет.

– А я люблю их создавать. Знаете, такие абсурдные ситуации, которые заставляют человека ломать голову, пытаюсь найти ответ.

Лицо Фредерика было по-прежнему невозмутимым и спокойным. В своей практике ему доводилось видеть и слышать всякое.

– Ричард, я бы не советовал вам озвучивать многие вещи, если вам хочется как можно скорее покинуть эту комнату. Или хотя бы пошевелить пальцами руки. Ваши руки сильно затекли, верно?

– Даже не представляете как.

– Почему вы не скажете этого мне или доктору Стенли?

– Я не привык жаловаться.

Фредерик был заинтересован этим незаурядным случаем и при других обстоятельствах задержался бы здесь подольше, но в данную минуту он этого позволить себе не мог.

– До встречи, Ричард, – сказал доктор Браун и встал со стула. А затем резко поднял правую руку перед собой и быстро спросил.

– Сколько пальцев вы видите?

– Два, – после небольшой паузы отозвался Ричард Ло.

Фредерик и вправду показал своему собеседнику два пальца.

– До встречи, доктор. Надеюсь, вскоре вы сможете уделить больше времени для изучения моего мира.

– В каком цвете вы видите свой мир, Ричард?

– В таком же цвете, что и вы.

– А как вы думаете, в каких тонах вижу мир я? – спросил доктор у своего пациента.

– Задайте себе этот вопрос, а не мне.

Ричард Ло замолчал и неуклюже повалился на правый бок, так что его голова легла на холодный пол. Фредерику показалось, что он сразу же уснул «Если с ним обошлись, как со скотом, значит, он этого заслужил», – снял со своих плеч груз ответственности доктор Браун перед тем, как уйти.

Глава вторая

– Фредерик, почему ты не спросишь у Дона, понравилась ли ему сегодняшняя постановка?

Доктор Браун посмотрел в зеркало заднего вида на десятилетнего темноволосого мальчика, который уже лет девять как оставался для него, почтенного психиатра, чужим и закрытым. Психоанализ был, несомненно, самой сильной стороной доктора Брауна, в отличие от воспитания сына. Фредерик даже не пытался наверстать упущенное, втереться в доверие к ребенку, чтобы затем снова его променять на ночные смены в кругу истинных друзей. Ему было интересно общаться с сумасшедшими, больными, но не с обыкновенными людьми, прохожими, родственниками, продавцами газет, кофе и сигарет, даже общение с супругой и собственным ребенком ему казалось трудным и тягостным. Его сын был очень похож на женщину, которая вдохнула в его легкие всю свою молодость залпом, не осушив и не насладившись сама и половиной того чудесного содержимого бокала, которое давно уже выветрилось и больше не пьянило.

– Тебе было интересно, Дон? – с чувством выполненного долга спросил Фредерик.

Мальчик с глазами, полными ночи, отрицательно покачал головой.

– Я тебе уже говорил, Мэри, что Дону не стоит навязывать свои увлечения. То, что занимает тебя, совсем необязательно окажется интересным ему.

– Не говори ерунду, Фредерик. Мы с тобой уже обсуждали эту тему много раз. Театр – это великое искусство, не то что твои ковыряния в мозгу. Люди на сцене жизнь проживают, а ты проживаешь свою жизнь в психушке, тебе меня не понять... Это же игра, чувство, одухотворенность. Эмоция, в конце концов! Как тебе может быть неинтересен театр, Дон? – Мэри посмотрела назад, на сына.

Юноша ничего не ответил, он даже не слушал сейчас, что говорит ему мать. Он находился, как обычно, в себе – там, внутри, где скрыт целый мир, о котором не знает никто, а только он, единственный. Этот уголок был самым лучшим убежищем от театра, от назойливых советов матери, от безразличия отца.

– Ты слушаешь, но не слышишь, к сожалению, только меня. И в речах любого встречного ты бы нашла больше смысла, чем в моих словах. Есть вероятность,

что я перестал что-либо значить для тебя.

Даже со своими родными доктор Браун оставался психиатром.

– Доктор Браун, мне кажется, вы заработались. Оставьте свои методы у себя в кабинете... Ты снял свой халат, а значит, теперь ты – просто Фредерик, абсолютно нормальный человек, по совместительству – муж и отец.

Мужчина глубоко вдохнул, а затем выдохнул. Ему сложно было отделить себя от доктора Брауна.

– Что тебя так тревожит, Фредерик?

– Мне не дает покоя один мой пациент...

– О, господи, – вздохнула Мэри.

– Я знал, что ты так отреагируешь, поэтому в последнее время я перестал делиться с тобой своими мыслями.

– Что на этот раз?

– Он видит через плотно повязанную на глаза повязку. Такой случай в моей практике впервые.

– Кто?

– Мой пациент. Он себя называет Ричардом Ло.

– Ричард Ло? – переспросила Мэри и уставилась на профиль своего мужа. Судя по ее интонации, это имя она уже слышала ранее.

– Да. Тебе знакомо это имя?

– Знакомо. Это известный писатель.

- Писатель? - Фредерик не поверил собственным ушам.

- Да. Но твой клиент, похоже, его однофамилец. Или он назвался именем этого писателя. Ни за что не поверю, что настоящий Ричард Ло лежит в твоей психушке и видит через повязки. Это не он!

- Может быть, самозванец... Мэри, ты могла бы мне сказать, в каких книжных продаются книги этого Ричарда Ло? Ты их читала?

- Думаю, что во всех. Фредерик, разве ты никогда не видел рекламные афиши? Они расклеены буквально по всему городу. Когда он выпускает новую книгу, на каждом столбе можно встретить плакат с его именем и местом презентации. Такая сейчас мода - мозолить глаза своими новыми книжками. Сначала горе-актеры, бедные жертвы театра, потом недопевцы, а теперь...

- Мэри, я спросил у тебя, читала ли ты его книги.

Казалось, доктор Браун повеселел.

- Конечно, читала. Может быть, для тебя это открытие, Фредерик, но я люблю читать книги.

- О чем он пишет?

- О любви, о чем же еще, - фыркнула хмурая женщина и обернулась назад, чтобы посмотреть на скучающего Дона. Кажется, он уже засыпал.

- Ясно, - отозвался Фредерик разочарованно. Он не особо разобрался в данной области, да и новая версия, что его подопечный - известный писатель, отпала сама собой. Его пациент - не тот человек, который мог бы писать о любви.

- Я бы хотел быть как ты! - словно гром среди ясного неба, прозвучали странные слова кареглазого юноши, которого обнимали и целовали от всей души, только когда он родился. Только когда он был больше похож на беспомощную куклу, головка которой так прекрасно и несравненно пахла. Обнаружив в нем человеческие задатки, Фредерик и Мэри стали его обнимать и целовать только по праздникам. Божественное прошло, благоуханное увяло, бессмертное

погибло. От отцовской любви мальчику и подавно оставались лишь малые крошки, которыми он никогда не мог насытиться, но стыдился признаться в своем голоде. Ему достались от отца глаза, они были такого же цвета.

- Что ты сказал, Дон? - переспросил отец.

- Я сказал, что хотел бы быть как ты. Психиатром!

- О, святые угодники... - Мэри демонстративно схватилась за свое здоровое сердце.

- Но почему? - осторожно спросил Фредерик.

- Потому что то, о чем ты рассказываешь, очень интересно. А смотреть, как люди ходят по сцене, машут руками, размазывают соплю по лицу и говорят заученные слова, - это скучно.

- Не говори так, Дон! - строго сказала мать, а затем обратилась к Фредерику: - Видишь, что ты наделал.

- Я ничего не делал, Мэри. В его возрасте это нормально - брать пример со своего отца. Я ничего в этом дурного не вижу. Но если то же самое Дон мне скажет в шестнадцать лет, то повод для беспокойства тебе обеспечен, дорогая. А пока ты можешь расслабиться. Сегодня был тяжелый день, и все мы хотим спать. Правда, Дон? - посмотрел строгий психиатр в зеркало заднего вида.

- Да, - меланхолично отозвался юноша.

Поздним вечером, когда в большом двухэтажном доме с тремя просторными спальнями уже давно сроднились с постелью Мэри и Дон, Фредерик долго крутился, отчаянно пытаясь уснуть, а затем поднялся с кровати и сделал один телефонный звонок.

- Алло. Доктор Стенли, надеюсь, я не заставил вас покинуть теплую постель, чтобы подойти к телефону?

– К-кх, – откашлялся его собеседник на другом конце линии. – Все так и было, доктор Браун, – серьезно сказал он. – Что могло случиться в такой поздний час?

– Вы не сказали, что он видит через повязку, доктор...

– Ах, вы об этом (доктор Стенли зевнул). Я много чего вам не сказал, молодой человек. Вы хотите занять мое место, подвинуть меня, пятидесятилетнюю мумию, черт бы меня побрал, но эта больница – мой родной дом. Даже здесь и сейчас, в собственной спальне, я чувствую себя как в съемной квартире. Впрочем, какое вам до этого дело?

– Никакого, – спокойно отозвался Фредерик, когда выслушал своего пожилого собеседника. Он давно был лишен всяких человеческих чувств, особенно – сострадания. Он никогда не сострадал своим пациентам, он либо их понимал, либо нет.

– Скажите мне, доктор Стенли, почему мой пациент оказался в таком положении, в котором я его сегодня застал? Даже особо буйным не надевают повязку на глаза, а этот парень – само спокойствие. Какое лечение вы ему прописали, доктор? Почему история болезни пуста?

– Слишком много вопросов, Браун. – Собеседник Фредерика неожиданно засмеялся. – Вы что, полагаете, что занять место главного врача так легко – подошел, сел и больше не встал? А, так вы думаете? Нет, дорогой Фредерик, вас оценивают, и если вы сможете поставить диагноз этому человеку, назначить ему лечение и вылечить его, то место – ваше. Очень просто. Куда уж проще.

Последние слова не понравились Фредерику, но он не подал вида.

– Доброй ночи.

Его собеседник положил трубку.

– Хорошо. Очень хорошо... – сказал про себя Фредерик и отправился в постель.

Дом, который доктор Браун построил собственными руками, был холодным, начиная со стен и заканчивая пылающим камином. Теплый дом, но невыносимо

ледяной! Знаете, такое место, где не можешь чувствовать себя счастливым и полным сил. Это было убежище, которое давало лишь укрытие от дождя, но не уют, не ощущение спокойствия всем членам семьи, кроме самого доктора Брауна. Бесчувственный психиатр, нет, даже не бесчувственный – слишком уж грубое слово, а человек, разучившийся чувствовать, считавший, что снег – лишь состояние воды, ощущал себя в этом доме как всегда, а именно – никак.

Мэри не раз жаловалась мужу, что цветы в этом доме вянут, не дожив до утра, и что чистая вода, простояв некоторое время в стакане и вобрав в себя всю энергетику дома и его атмосферу, портится, становясь отравой, от которой крутит живот. Этот дом, говорил Дон, – энергетический вампир, который высасывает всю душу и энергию залпом, но стоит лишь выйти на улицу – и ощущается мгновенный прилив сил.

– Чепуха, – повторял Фредерик, когда начинались жалобы относительно дома. – Меньше смотрите телевизор и больше гуляйте на свежем воздухе.

* * *

– Вы вчера мне сказали, что я заблуждаюсь по поводу окна в Вашей комнате, Ричард. Расскажите, пожалуйста, мне об этом окне.

На этот раз Фредерик мог уделить больше времени своему таинственному собеседнику.

– Вы очень внимательны, доктор Браун. Да, я мог такое сказать, но не помню этого.

Голос Ричарда Ло в этот раз был слабее, не таким напористым. В воздухе не ощущалось больше отвратительного смрада, доносившегося от него, скорее всего, утром его хорошенько помыли и привели в должный вид.

– Скажите, Ричард, верно ли я понял, что вы не помните, о чем мы вчера разговаривали с вами?

Ричард Ло как-то странно вздохнул, похоже, он не расположен был сегодня к общению.

– Я не так сказал. Я лишь произнес, что не помню своих слов насчет окна, но совсем не отрицаю, что мог такое сказать. Человек, который не помнит или не желает помнить некоторых вещей, предположительно сказанных им когда-то, не лгун. Ложь зачастую ведет к бездне, а я ясно вижу путь, которым я иду.

– Хорошо.

Фредерик занес ручку над чистым листом, который был предназначен для важных пометок. Откровенно говоря, этот лист не нужен был доктору Брауну, так как он имел отличную память.

– Вы – писатель? – неожиданно спросил доктор, чтобы навсегда похоронить эту версию.

– Да.

Фредерик, откровенно говоря, был обескуражен таким ответом, но не подал вида.

– Вы пишете о любви?

– Да.

– Что в вашем понимании «любовь», Ричард?

– А в вашем, доктор?

Фредерик имел собственную тактику беседы с людьми, чьи болезни были невидимы глазу, но несомненны для слуха. Если его о чем-то спрашивали, он всегда предпочитал отвечать четко и правдиво. Важно было, чтобы его собеседник чувствовал себя на равных с доктором, но данный собеседник, по мнению Фредерика, не страдал какой-то глубокой болезнью, раздражителем и разрушителем «Я», жившего под его кожей. И если эти беседы будут продолжаться в том же духе, что и сейчас, то доктор Браун признает своего больного совершенно здоровым. И не забудет упомянуть о наличии незаурядного склада ума.

- Любовь – это состояние, при котором человек не способен видеть другого в точных и явственных деталях, каким его видят все окружающие. Например, некий Уильям не видит кругов под глазами у своей возлюбленной и не чувствует запаха ее невымытых волос.

- Как сухо, – засмеялся Ричард Ло, разговаривавший с Фредериком лежа на боку. – А вы чувствуете запах грязных волос своей возлюбленной, доктор Браун? – Ричард Ло помолчал и добавил: – Вы вообще когда-нибудь любили?

- Да.

- И чем закончилась ваша любовь?

- Сыном, – спокойно ответил Фредерик.

- Сыном или на сыне она закончилась?

- Теперь ваша очередь ответить на мой вопрос, Ричард. Вы играете в одни ворота, позвольте и мне коснуться ногой вашего мяча.

- Пожалуйста. Вы спрашиваете, что такое любовь, у автора любовных романов? Да откуда ему об этом знать? – Пациент засмеялся еще сильнее прежнего, только эти внезапные приступы зловещего смеха вызывали у Фредерика небольшие сомнения относительно здравости ума своего собеседника.

- Странно. Вы же пишете о любви.

- А вы изучаете душевнозаблудших, доктор. Но вы ведь не относите себя к ним.

Фредерик хотел было ответить, но Ричард Ло его перебил.

- Или относите? Ведь согласитесь, что хладнокровие и безразличие к чувствам других людей – это один из симптомов шизофрении.

- Вы хорошо осведомлены, Ричард... Это так! Но если брать за основу только этот симптом, то каждого третьего прохожего можно смело брать за руку и вести к нам в лечебницу. Как вы здесь оказались, Ричард? Насколько мне

известно, вы – знаменитый писатель, и вашему читателю вас, должно быть, не хватает.

– Моему читателю не важно, где я нахожусь, ему важно, чтобы я писал.

– А вы пишете сейчас?

– Конечно. Я не могу не писать.

– Каким образом вы пишете?

– Я пишу, держа в правой руке шариковую ручку. Но не стану язвить, доктор Браун, сейчас я пишу в кафе под названием «Хобот альбатроса» на печатной машинке Brother CE-50. Хорошая вещь, скажу я вам. Я нахожусь в Риме, на одной из центральных шумных улиц. Я сижу в уличном кафе, а мимо моего столика проходят люди самых разных национальностей – евреи, индусы, темнокожие американцы. Вы знаете, что кожа негров – мягкая и приятная на ощупь? А? Китайцы... В двухстах метрах от меня на саксофоне играет коренастый мужчина лет тридцати, в его шляпу бросают монеты. Немного ближе какая-то азиатка рисует на асфальте цветными мелками, к моему большому сожалению, что именно она рисует, я не вижу из-за своего столика. Чтобы сказать больше, мне придется встать и сделать хотя бы десять шагов по направлению к ней. Но я этого делать не стану, мне сейчас очень удобно на моем месте, в воздухе пахнет табачным дымом, свежесваренным кофе и дохлой собакой, лежащей у бордюра напротив моего кафе. Да, Рим совсем не изменился... Совсем!

– Очень интересно. Могу ли я взглянуть на вашу печатную машинку, если, конечно, позволите.

– Нет.

– Почему? – сделал удивленный вид Фредерик.

– Потому что вы сейчас находитесь в клинике для душевнобольных, доктор.

Наступила странная и неловкая пауза.

– Вы вчера перед моим уходом сказали, что я не уделил должного времени вашему миру. Я готов изучить ваш мир сейчас, Ричард. Расскажите мне, как выглядит кафе «Хобот альбатроса»...

– Оно совсем не выделяется среди других уличных кафе. Несколько столиков, если хотите, я могу даже подсчитать для вас их точное количество в этом кафе. Один. Два. Пять... Восемь, если считать вместе с моим. Итак, восемь столиков, все заняты, если бы вы захотели побывать вместе со мной в этом кафе, так вам, доктор Браун, попросту не хватило бы места. Я занял одиночный столик в самом отдаленном углу этого заведения, здесь достаточно уединенно, если не брать в расчет итальянца, сидящего недалеко от меня, он много курит, и весь дым идет мне в лицо. Мимо проходят люди и разговаривают на разных языках, чаще всего я слышу итальянскую речь, много также французов, греков и арабов. Вот слышу еще сербский, но понимаю плохо, я удовлетворительно владею только пятью языками, хотя знаком практически со всеми, но это не важно, доктор. Я писатель, и моей образованности не стоит удивляться.

– Что вы себе заказали, Ричард?

– Несколько минут назад я допил кофе с виски.

– Как кофе?

– Неплох. Бывает лучше и хуже, как и с людьми. Виски слишком слабый, разбавленный, а впрочем, это Рим. Я стучу клавишами своей машинки достаточно громко, но не привлекаю посторонних взглядов. Знаете почему, доктор?

– Потому что на улице слишком шумно.

– Правильно. Никому нет дела до меня, внешность у меня незапоминающаяся, и мое лицо вряд ли кто вспомнит в этом городе.

– Опишите себя. Как вы выглядите, сколько вам лет, какая одежда сейчас на вас.

Это уже была не простая беседа, а настоящий сеанс психотерапии. Фредерик погружался в глубины души пациента, лежавшего перед ним.

– Мне восемьдесят лет. Мои волосы – белые, мои брови – тоже белые и густые, у меня белые даже глаза. Мои руки дрожат не так сильно, как у Гарри, пальцы уверенно стучат по знакомым клавишам. Я пишу пьесу «Родимое пятно». Меня вдохновляет не Рим, нет, меня вдохновляет молодая особа в красивом платье с родимым пятном на оголенной шее, итальянка лет двадцати. Она сидит в середине кафе за столиком рядом с каким-то неуместным типом, итальянцем, плохо одетым. Конечно же, красит мужчину не одежда, но женщина всегда обращает внимание на то, дорого мужчина одет или нет. Так вот, я страдаю провалами в памяти, у меня обнаружена болезнь Альцгеймера, да, это не раковая опухоль, доктор, но доставляет немало неудобств. Вот ты сидишь, отдыхаешь в кафе и пьешь кофе. А когда ставишь чашку на стол, то забываешь, где ты и почему у тебя такие морщинистые руки, почему они в коричневых пятнах и что это за суэта вокруг тебя, что за город такой, в котором температура воздуха выше тридцати и где задыхаешься, даже сидя в тени.

– Когда у вас обнаружили болезнь Альцгеймера?

– Не помню когда.

– Вы мне врете сейчас?

– Нет.

– Вы пишете пьесу о женщине, она ведь пустышка, дешевка. Согласны?

– Согласен. Но объясните, прошу вас, с чего вы сделали такой вывод, доктор.

– Все просто. В вас давно угасла сексуальная энергия, двигатель вашего душевного подъема...

Ричард Ло его оборвал.

– Порыва... Не «подъема». Ваша фраза слишком пошло звучит и все портит.

– Пусть будет «порыва». Я не против.

– Да, порыв слаб, и мои чувства туманны, но ведь пальцы помнят, какие на ощупь родимые пятна у женщин, тело, возможно, помнит...

На этот раз доктор Браун забрал пешку.

– Ваше тело не имеет памяти. Кожа и все, что под ней, реагирует лишь на сигналы мозга.

– Я слишком стар, доктор. И через несколько минут я умру.

– Вы еще не стары, Ричард Ло. И хватит передо мной разыгрывать комедию.

– Я не разыгрываю перед вами комедию, доктор Браун, – произнес пациент каким-то поникшим и жалобным голосом.

– Вы мне нагло врете. Я верю в то, что вижу своими глазами. А вижу я сейчас вас, лежащего на полу, а не восьмидесятилетнего старика в уличном кафе Рима.

– Хотите, я покажу вам старика, доктор?

– Бессмысленный вопрос. Вы абсолютно здоровы и отнимаете у меня время, которое я мог бы потратить на пациента, действительно нуждающегося в моей помощи. Вам не нужна помощь, вам нужен лишь зритель. Пусть санитары вас слушают. С меня хватит.

Фредерик встал со стула и направился к выходу. Почему он так поступил? Да хотя бы потому, что все, сказанное в этой комнате, было не то чтобы абсурдным, а скорее – неуместным, неестественным. Да, такое поведение имело место быть у человека с расщеплением личности, но перед ним сидел не Билли Миллиган, не Дорис Фишер, и не было у его пациента диссоциативного расстройства, которое доктор изучал в мельчайших деталях уже два десятка лет, его собеседник был способен лишь на пустой лепет. Его голос не менялся, не перенимал старческий хрип, его тело даже не содрогнулось, когда он якобы «переключился» и стал вдруг стариком. Не верил доктор Браун, хорошо изучивший людей за всю свою многолетнюю практику, ни единому слову Ричарда Ло. Да, он мог бы его рассматривать как соперника, даже как коллегу, но как больного – нет. Этот человек с повязкой на глазах был абсолютно здоров.

– Если снимете повязку с моих глаз, то, клянусь, увидите Рим собственными глазами, и вам станет душно. Снимите с моего лица повязку, доктор Браун!

– Нет.

– Вы боитесь меня?

Фредерик ничего не ответил, лишь хлопнул дверью, оставив своего собеседника в полном одиночестве.

* * *

– Мой пациент абсолютно здоров. Что за игру вы ведете со мной?

Доктор Браун ворвался в кабинет главного врача без стука.

– Вы о Ричарде Ло, как я понимаю, доктор. Хм... Садитесь, садитесь. Не стойте. Вы сделали заключение, Браун, что ваш пациент здоров? Прошу вас взвесить каждое ваше слово, так как от этого зависит, займете вы мое кресло или нет, – доктор Стенли сделал многообещающую паузу. – Если ваше заключение, молодой человек, не верно, то вы проиграли.

– Я не играю с вами, доктор Стенли. И останетесь вы на своей должности или нет, решаете не вы, а директор. Вы затеяли какое-то представление, маскарад передо мной. Одели человека в смирительную рубашку и повязали ему на глаза повязку, осведомив его перед этим, как я выгляжу, и что за окном сейчас вечер. Нет, даже не так, вы просто надели ему повязку, в которой есть щель, и разыграли комедию. Bravo! Только я отказываюсь участвовать в этом, доктор, я буду заниматься лишь теми пациентами, кому нужна настоящая помощь.

Доктор Стенли с удивлением смотрел на своего младшего коллегу и время от времени кивал головой.

– Значит, вы отказываетесь лечить этого пациента?

– Да.

- Ваше заключение - здоров?

- Да.

- Хорошо, доктор Браун. Мы найдем для вас другого пациента, которому также нужна помощь специалиста. Знаете, у нас тут не приют здоровых или, скажем, бездомных. Надеюсь, в следующий раз вы будете более осторожны в своем заключении, доктор Браун. Можете идти. И да, к вашему сведению, Ричард Ло болен - глубоко, но излечимо. Но это уже теперь не ваши заботы.

- Он здоров, - сказал доктор Браун и вышел из кабинета доктора Стенли. Он находился в этой больнице всего несколько дней, а между тем проникся глубокой неприязнью к своему временному начальству. Фредерик точно знал, что должность главного врача рано или поздно станет его, собственно, с этой целью его и перевели в эту лечебницу, находившуюся в самом конце города. Вдалеке от машин, суеты и высоток, вблизи нескончаемого снежного леса и небольшого красивого озера, которое еще не успело замерзнуть. Он уже второе утро, подъезжая на своем автомобиле к больнице, видел, как мужчины забрасывают снасти, готовят в котелке на огне - видимо, уху, рыбачат и время от времени греют руки у маленького костра. Вечером, когда он уезжал домой, у озера уже никого не было - так, по крайней мере, казалось из-за отсутствия мерцающего огонька костра в этой тьме.

- Мэри, а какие книги этого Ричарда Ло ты читала? - вдруг спросил Фредерик, когда они с семьей ужинали за длинным коричневым столом в столовой, расположенной на первом этаже его дома. Дон смотрел телевизор, доктор Браун с супругой ели пасту с запеченной говядиной, глядя в свои тарелки, погружившись глубоко в себя.

Сегодня у доктора выдался простой день, всю вторую половину дня он провел за бумажной волокитой, рассматривая истории болезней интересных, на его взгляд, пациентов. Самым интересным ему показался молодой человек двадцати одного года, который был болен аутизмом. И этим случаем доктор Браун решил незамедлительно заняться на следующий день.

- Честно сказать, Фредерик, я соврала. Я не читала его книг. Просто хотела поддержать разговор и ляпнула лишнее. Да, афиши встречала на столбах у

нашего дома, да и вообще, практически на каждом столбе этого города. Авторы любовных романов сейчас нарасхват, их любят всякие там скучающие дамы, но на этом все. Я его не читала! Понимаешь ли, мне некогда читать книги, я много работаю.

- Понятно.

Все же было на душе у доктора Брауна какое-то странное чувство. Он не мог объяснить, что именно его беспокоит, но испытывал острую тревогу.

- Пап...

- Что, Дон?

- Я не хочу идти в школу завтра. Можно, я не пойду?

- Но почему?

Теперь все внимание доктора Брауна переключилось на сына, все же в глубине души ему хотелось стать настоящим отцом.

- Я хочу просто выспаться, пап. Я устал и в последнее время начал засыпать прямо за партой на первом уроке.

- Можешь остаться.

- Нет, ты пойдешь в школу, Дон! - строго сказала Мэри. - Что за глупость - устал. Мы каждый день с отцом устаем на работе, но не жалуемся и не просим отгул.

- Мэри... - Фредерик хотел было что-то сказать в оправдание сына, но сразу умолк, так как по телевизору передавали настолько странные вещи, что если бы доктор Браун сейчас пережевывал мясо, то он, несомненно, подавился бы от услышанного.

Он быстро развернулся лицом к источнику пугающей информации, сделав рукой при этом резкий жест, чтобы все замолчали.

«Мужчина приблизительно семидесяти пяти – восьмидесяти лет скончался в одном из кафе в центральной части Рима на глазах у посетителей. По словам очевидцев, мужчина пил кофе и печатал на пишущей машинке, ничем не привлекая к себе особого внимания. Его смерть заметил только проходивший мимо француз, который увидел, что мужчина, застыв в одной позе, смотрит на пишущую машинку и не шевелится. Медэкспертиза заключила, что старик скончался от сердечного приступа, а в ходе следствия выяснилось, что этот человек – известный автор любовных романов, который публиковался под псевдонимом Ричард Ло. Писатель умер, не окончив своей последней пьесы „Родимое пятно“...»

То, что говорили дальше, Фредерик не слышал, он был в состоянии глубокого шока и испытал за эти несколько минут удивление, тревогу, душераздирающий ужас, недоумение. Казалось, что доктор Браун вновь обрел способность чувствовать. Чувствовать, что произошло что-то ужасное, абсолютно необъяснимое...

– Да на тебе лица нет, Фредерик! Тебе плохо? Дон, неси стакан воды немедленно.

Мальчик встал со своего стула и побежал к крану.

– Держи, пап.

– Спасибо...

Доктор Браун без возражений осушил стакан до дна.

– Фредерик? – Мэри не то чтобы испугалась за своего мужа, скорее, недоумевала, видя его странное состояние. Похоже, он находился в ступоре и не слышал ее совсем. Ей, Мэри Браун, никогда еще не приходилось видеть такого ужаса на лице своего супруга, на котором проявление любой, самой обыкновенной эмоции было большой редкостью, а улыбка – настоящим праздником.

Мэри давно уже мечтала развестись с доктором Брауном, так как в нем мало что осталось от прежнего Фредерика. От того Фредерика, который дарил ей пионы без повода, которого волновали болезни человеческих душ, но больше всего на

свете волновала она, который целовал ее без причины и гладил ее густые рыжеватые волосы перед сном, поутру и даже когда она просто сидела на стуле и пила чай. От того Фредерика, который, стоя на коленях, просил у нее родить ему сына, так как с его появлением на свет этот мир в его собственных глазах станет еще лучше. Так как с рождением ребенка его, Фредерика Брауна, главная миссия будет исполнена, и он, будущий отец семейства, проживет свою жизнь не зря.

После рождения сына Мэри поняла, что эти мысли и чувства были навязаны ее мужу обществом, окружением, родителями, ею самой, в конце концов. Отцовство не являлось его истинным предназначением, сделать сына было куда проще, чем его воспитать. На этом миссия Фредерика закончилась, зато зажглась истинная, сияющая ярчайшим светом звезда в сердце психиатра – доктора Брауна. Помогать людям найти себя – вот в чем было его настоящее предназначение.

– Ты разве не слышала? – Фредерик уставился на супругу во все глаза. Ее пухлые, розовые губы когда-то были для него самым сладким напитком.

– Не слышала чего?

– Старик умер от сердечного приступа в Риме. Писатель Ричард Ло...

Похоже, Мэри пропустила мимо ушей эту информацию, хотя как можно было не услышать упоминание о знакомом ей писателе Ричарде Ло? Может быть, звук был слишком тихим, это ведь он сидел ближе всех к телевизору и слышал все четко, а Мэри с Доном сидели на другом конце стола. Но нет, не может быть...

– Что? Правда? Ему восемьдесят лет. Ну и ну... Похоже, что армия его фанатов...

– Ты и вправду не слышала, Мэри? – оборвал ее доктор на полуслове.

– Нет.

– И ты, Дон, не слышал, что умер писатель по имени Ричард Ло?

– Нет, папа. Я не вслушиваюсь, когда показывают новости. Мне неинтересно. Так что насчет завтра? Можно мне не идти?

– Оставайся дома один день. Отдохни.

Судя по тому, как женщина насупила брови, она была против подобного заявления и ни за что не оставила бы сына дома бездельничать, но перечить на этот раз своему мужу она не стала. Промолчала.

Дон осторожно перевел взгляд на Мэри, ожидая ее реакции на слова отца. Но никакой реакции не последовало. Она просто пережевывала остывший кусок мяса, а затем запила его красным вином.

– Мам...

– Нет!

Парень вздохнул и начал смотреть в тарелку перед собой.

– Спасибо за ужин, Мэри, – сказал Фредерик, который полностью был погружен в самого себя. Он не видел и не слышал больше ничего вокруг.

– Да не за что. Я купила готовую еду, как всегда, возвращаясь с работы, и разогрела ее в микроволновке.

Такое заявление не было новостью для Фредерика. К сожалению, в искусстве кулинарии Мэри была дилетантом, который всей душой не желал обучаться этому ремеслу.

Фредерик Браун провел эту холодную бессонную ночь в раздумьях. Его не волновало ничего в этом мире, кроме человека, побывавшего вчера утром в кафе «Хобот альбатроса», который представился ему как Ричард Ло...

Глава третья

- Доброе утро, доктор Стенли, - после утреннего обхода главного врача доктор Браун решил незамедлительно навестить своего коллегу.

- Доброе утро. Я вас внимательно слушаю, у меня много работы, поэтому...

- Я хочу лечить пациента Ричарда Ло.

Доктор Стенли ухмыльнулся.

- Но ведь он абсолютно здоров и совершенно не нуждается в вашей помощи. Пациент, назвавший себя Ричардом Ло, заплатил нашей клинике за десять ночей пребывания в наших роскошных апартаментах с трехразовым питанием. А какой у нас хвойный, чистый воздух! Поистине изумительное место. М-мм...

- Я хочу продолжить лечение своего пациента. У меня возникли сомнения по поводу того, что мой пациент здоров. Все мы допускаем ошибки когда-нибудь, доктор Стенли.

- Интересно, что заставило вас изменить мнение за ночь. Не поделитесь со мной?

- Нет.

- А жаль... Значит, хотите, так сказать, взять реванш и довести до конца начатое вами дело?

- Именно это я пытаюсь до вас донести.

Доктор Браун разговаривал с доктором Стенли, психиатром с сорокапятилетним стажем, занимавшим в клинике должность главного врача, как с равным себе. Этот кабинет принадлежал ему, Фредерику Брауну, но до поры его арендовал другой человек, у которого пока еще стоило спрашивать разрешения и советоваться по многим поводам.

- Я подумаю, давать ли вам историю его болезни.

– Оставьте ее себе, доктор Стенли, от нее все равно нет никакого толку, она пуста. И это вы обязаны сейчас уговаривать меня взять этого пациента себе. Это ведь ваша игра, да?

– Почему вы позволяете себе разговаривать со мной в таком тоне, доктор Браун? Вы в этой больнице человек новый, вы не знаете ни меня, ни моих коллег, ни моих пациентов. Вы, юноша, позволяете себе врывать в мой кабинет, когда вам вздумается, вы считаете для себя приемлемым хамить мне, человеку, который является для вас прямым начальником, и говорить, что вздумается. Я напишу тому, кто вас сюда направил, письмо о вашем поведении и вашем отношении к руководству больницы. В устной форме я сегодня же сообщу и директору...

– Мне все равно, донесете вы на меня или нет, доктор Стенли. Если вы меня хотите проверить, я готов играть в вашу игру. Сообщите, будьте добры, Гарри, чтобы сделал мне дубликат ключей от палаты номер 36. Я берусь за это дело.

Фредерик захлопнул дверь кабинета и направился к лестнице. Больше всего на свете он хотел сейчас только одного – встретиться со своим пациентом.

* * *

Перед палатой, где находился его пациент, доктор Браун остановился и заглянул в синие, как ирисы, глаза молодого юноши. Это был тот самый молодой человек, который был аутистом. Он не смотрел в глаза Фредерика – куда угодно, только не в его глаза. Его взгляд был таким, словно он только что потерял какую-то вещь и теперь пытается ее везде найти. Этот юноша был чистым и ухоженным и занимал соседнюю палату под номером 35, в отличие от своего очень странного соседа он мог перемещаться по больнице абсолютно свободно.

Доктор Браун хотел поздороваться с молодым человеком, но почему-то не стал, а вместо этого подождал у запертой двери санитаря Гарри. Тот достал из кармана ключ от палаты. Перед тем, как войти внутрь, Фредерик спросил:

– Гарри, вы приносите ему еду три раза в день?

– Да. Верно.

- Вы кормите его с ложки?

- Да.

- Он ест?

- Конечно.

- Охотно ест или без особого аппетита? Кто из докторов, кроме меня, наблюдает моего пациента?

- Всегда ест хорошо. Доедает и допивает всегда все до дна. Доктор Стенли приходил раньше. Но в последний раз у них с Ричардом конфликт был...

- Что за конфликт?

- Не знаю, доктор Браун, доктор Стенли передо мной не отчитывается, а я не подслушиваю их разговоры. Я могу сказать вам точно, что он ходил к нему месяц, а потом перестал ходить, попросил надеть плотную черную повязку ему на глаза, оставить его в покое и кормить по расписанию.

- После чего, Гарри, доктор Стенли отнес моего пациента к особо буйным и запер его здесь.

- Я не могу вам этого сказать, доктор Браун, иначе меня уволят.

- Я так и думал. Хорошо, открывайте палату.

Гарри вставил ключ в замок.

- Погодите... Только между нами, - сказал Фредерик шепотом. - Мой пациент достаточно умен и может отличать день от ночи по тому, когда вы приносите ему в палату еду, даже если вы не говорите ему, сколько времени. Я бы хотел провести небольшой эксперимент. Попробуйте приносить ему завтрак не в девять утра, а в обед, скажем, в два часа дня, подогрейте пищу и принесите ему в палату. А обед, в свою очередь, перенесите на ужин. А ужин приносите к

полуночи. Понимаете меня, Гарри?

– А доктор Ст...

– Он не против и разрешил мне применять любой метод лечения. То, что я вам сейчас сказал, – это мой метод. Передайте санитару, который вас заменяет, чтобы приносил еду, как я сейчас сказал. Вы точно меня сейчас услышали, Гарри? Это важно.

– Конечно, доктор Браун. Я буду делать, как вы сказали.

– Спасибо, а теперь открывайте дверь.

Гарри открыл дверь в темное помещение метров тридцати в длину, в конце которого лежал человек и громко дышал носом. Фредерик включил свет и отпустил санитару.

– Здравствуйте, Ричард.

– Доброе утро, доктор Браун.

Фредерик пришел к своему собеседнику с пустыми руками. Ему не нужен был ни лист, ни карандаш, ни пустая история болезни. Он занял свой стул, который, казалось, был предназначен только для него одного.

– Вы умерли вчера утром, Ричард, от сердечного приступа. Как мне теперь вас называть?

– Я умер?

В голосе пациента прозвучало неподдельное удивление.

– Да, в десять утра в Риме, за своей печатной машинкой Brother в одном из уличных кафе. Как вы и говорили.

– Как я говорил что, доктор?

– Что вы стары и сейчас умрете.

– Я не стар, доктор Браун. Не настолько, чтобы умереть сейчас.

– Как я понимаю, вы хотите сказать, что не говорили вчера о том, что вы пишете о любви. Когда я спросил у вас вчера, пишете ли вы, лежа на полу в этой комнате, вы ответили мне, что не можете не писать и что даже сейчас пишете, находясь на одной из центральных улиц Рима. Вы без лишней скромности признались мне, что вам восемьдесят лет и что вы страдаете болезнью Альцгеймера. А сейчас вы хотите сказать, что не произносили вслух ничего подобного?

– Я не говорю вам, что такого не было. Если вы утверждаете так уверенно, значит, все так и было, но я не помню этого. Я не лгун, доктор, ложь ведет...

– Ложь ведет к бездне, а вы ясно видите свой путь. Это я уже слышал, безымянный человек.

Пациент ничего не ответил на это.

– Если я умер вчера, доктор, то принесите на мою могилу цветы. Настоящие, живые, терпеть не могу искусственных.

Фредерик посмотрел на искусственный тюльпан в вазе на столе. Доктор Браун принял правила этой игры и решил забрать у своего соперника пешку.

– Вы умерли, так и не дописав свою последнюю поэму.

И на это его собеседник ничего не ответил и не стал исправлять неуместное в данном предложении слово – «поэма». Не так уж и прост оказался соперник, как подумал про себя человек, который привык всегда до конца сражаться и побеждать.

– Жаль. Поэмы красивее, чем люди, – спустя некоторое время ответил писатель, который умер вчера.

- Она называлась «Родимое пятно». Не помните?

- Очень красиво. Но нет, не помню, доктор.

- Плохо. Знаете, еще вчера я думал, что вы абсолютно здоровы и несете всякую чепуху, любую ахинею, которая только взбредет вам в голову. А теперь я считаю, что вы больны, но точный диагноз я не могу поставить, не исследовав все симптомы. Вы можете мне вас вылечить? И как вы хотите, чтобы я вас называл?

- Называйте меня Безымянным, доктор.

- Хорошо. Безымянный, вы видите сейчас меня?

- Нет.

- Почему? Потому что в этой повязке нет щелей?

- Не поэтому, доктор. У меня закрыты глаза.

- Так откройте их! - повелительно сказал доктор Браун.

- Не хочу, - спокойно ответил его собеседник.

- Почему?

- Они устали.

- Вы сейчас пишете, Безымянный?

- Нет.

- Потому что вы мертвы, а вашу печатную машинку выбросили на свалку или потому что нет вдохновения?

– Нет, доктор. Я не пишу, потому что нахожусь в психиатрической клинике со связанными руками. Мне кажется, что вы сейчас издеваетесь надо мной.

Доктор Браун невозмутимо продолжал.

– Кто вы, Безымянный? Сколько вам лет? Живы ли ваши родители, есть ли у вас дети?

– Я не знаю, кто я, доктор. И представления не имею, есть ли у меня дети.

– Вы потеряли память?

– Я думаю, что да.

– Вы попали в аварию, или кто-то из ваших близких внезапно умер, или вас изнасиловали? Есть у вас догадки на этот счет?

– Никаких.

– Хорошо, Безымянный. Если я сниму сейчас с вашего лица повязку, вы откроете глаза?

– Нет.

– Вы не хотите посмотреть, как я выгляжу?

– Не хочу. Я знаю, как вы выглядите доктор. Не ваша одежда и туфли, а вы, ваше лицо, руки, шея, волосы. В моем мозгу есть картинка с вашим изображением, и всякий раз, обращаясь к вам, я вас представляю.

– Позвольте поинтересоваться, Безымянный, как я выгляжу на вашей картинке?

Перед доктором Брауном на этот раз предстал совершенной другой тип темперамента, если вчера он разговаривал с флегматиком, скрытым сангвиником, а в опасных для жизни ситуациях, в которых нужно принимать незамедлительное и точное решение, – даже холериком, то сейчас он общался с

человеком меланхоличным. То есть полной противоположностью вчерашнего пациента. У доктора было такое чувство, словно в палату положили другого человека. Была вероятность расщепления на личности, но небольшая, так, по крайней мере, считал доктор Браун. Здесь было что-то совершенно другое, необъяснимое, а оттого – притягательное и загадочное.

– Мне кажется, вам лет сорок, может быть, сорок пять. Вы выше меня, как минимум на голову, наверное, ваш рост метр девяносто – метр девяносто два. У вас темные волосы, темные глаза и густые брови. На шее шрам, наверное, вам кто-то пытался перерезать горло.

– Да, вы правы, Безымянный. Я служил в армии, мне было восемнадцать лет, мне пытался перерезать горло во сне мой сослуживец за то, что я переспал с его женой, что выяснилось только тогда, когда армейские друзья уже зашивали мне белыми нитками горло.

– После этого вы больше не спали с его женой?

– Спал, Безымянный. После этого я на ней женился.

– Понятно, доктор Браун, вы – романтик.

– Это было давно.

– У чувств нет срока годности.

– У всего есть срок годности, Безымянный. Интересно, как вы меня смогли увидеть с повязкой на глазах. Нет, все же я абсолютно уверен, что вы увидели меня через щель.

– Это возможно, доктор Браун.

«Черт бы его побрал. Да что с ним сегодня такое? Он – как дохлая лошадь, которую пытаются привести в чувство палкой», – подумал про себя бывший солдат.

– Вы, наверное, устали. Я зайду к вам позже, может быть, ближе к ужину. Вы не против?

– Не против, доктор.

– До вечера, Р... Безымянный!

– До вечера, доктор.

Фредерик покинул палату и, когда услужливый санитар Гарри закрыл дверь на ключ, заглянул в открытую дверь рядом. Это была другая палата, просторная и светлая, с одним окном. На окне стоял горшок с хризантемой – судя по ее ухоженному виду, ей уделяли много внимания. На стенах висели фотографии синеглазого мальчика, который сидел на заправленной кровати и слушал в наушниках музыку.

Фредерик постучал в дверь. Юноша не услышал стука, так как по-прежнему слушал музыку, глядя на белую стену перед собой, время от времени кивая головой в такт. Доктор Браун не решился побеспокоить молодого человека, зайдя без спроса, он подумал, что лучше заглянет к нему в другой раз, когда тот перестанет слушать музыку. «Знакомство не должно отвлекать от чего-либо. С тончайшими инструментами следует обращаться нежно», – с этими мыслями Фредерик ушел прочь.

Будущий главный врач больницы, в которой он освоился достаточно быстро, изучил истории болезней многих пациентов, имена некоторых он записал в свой личный блокнот, чтобы незамедлительно уделить им время. Времени у доктора Брауна было много, и летело оно стремительно и незаметно, особенно когда пациент был ему интересен. Он записал в блокнот мальчика-аутиста и женщину в возрасте, которая, по мнению доктора Стенли, болела многими заболеваниями одновременно. Например, по четвергам у нее начинался панический страх при виде любого доктора в белом халате. Но как только доктор снимал халат, миссис Норис тут же успокаивалась и, как птичка, начинала сладко щебетать о самых интересных моментах своей незабываемой молодости. По понедельникам старушка забывала все на свете – имена врачей, пациентов, главных героев собственных историй, которые она рассказала практически всем. Она забывала абсолютно всех и абсолютно все, даже собственное имя, но как только

наступало утро вторника, она сразу же все вспоминала и продолжала рассказывать подробности своей личной жизни, иногда весьма пикантные. Каждую субботу миссис Норис навещал ее невидимый, но пунктуальный друг – Адольф Добельманович Пульк. Он приходил в одно и то же время, ровно в девять утра, и никогда за ним еще не было замечено опозданий.

Миссис Норис никогда не стыдилась своего старого друга, а потому разговаривала с ним везде: в кабинете врача, на прогулке в саду, даже в туалете... И хуже всего было то, что она разговаривала с ним о своей личной жизни, о незабвенной бурной молодости, о том, чего у нее не смогли отобрать ни склероз, ни болезнь Альцгеймера по понедельникам. (По мнению доктора Стенли, она помнила все о своих, как он выразился, «похождениях» даже в этот день, хотя пациентка категорически отрицала это. Врачу казалось, что по понедельникам миссис Норис всегда выглядит болезненно и нервно, потому что ее язык нестерпимо чешется.)

– Да... Любопытный случай, – произнес доктор Браун вслух, читая заметки своего коллеги.

Когда он обнаружил, что сегодня как раз суббота, то по-детски обрадовался и решил лично навестить легендарного Адольфа Добельмановича.

– Добрый день, миссис Норис. Надеюсь, я не отвлек вас от беседы с почтенным Адольфом Добельмановичем, – сказал Фредерик, когда вошел в чистую и ухоженную палату, обои в которой были бежевого цвета. Посередине комнаты стоял письменный стол, а на нем лежала стопка старых книг с закладками, сиреневая ваза была наполовину наполнена водой, цветов в ней не было. Видно, увяли недавно, раз воду забыли вылить. В комнате было много света, единственное окно, как и у мальчика-аутиста, выходило на солнечную сторону. За кроватью около окна находился небольшой деревянный комод, на котором стоял старый граммофон, похоже, единственная старая вещь в этой комнате, если не брать в расчет саму миссис Норис. В воздухе ощущался аромат ландышей, чудесный весенний аромат, который доктор Браун никогда бы не спутал ни с чем, так как несколько лет покупал себе мыло с таким запахом. Фредерика удивило, что в палате старухи не пахло старыми пыльными платьями, скатертями, занавесками и даже газетами пятидесятилетней давности, не говоря уже об альбомах. Эта дама была какая-то другая, современная, что ли.

– Нет, не отвлекли, доктор. Адольф Добельманович вышел курить, а я сейчас как раз хотела поставить пластинку и послушать Моцарта. Присоединяйтесь! – любезно сказала она.

– С радостью, мадам. Благодарю вас.

– Садитесь на кровать, не стойте.

Доктор Браун присел. Хозяйка палаты была в розовом платье, ее губы были накрашены красной помадой, брови аккуратно выщипаны, кажется, она даже наклеила искусственные ресницы или нарастила их. По всему ее виду можно было смело заключить, что она собралась на свидание.

– А почему Адольф Добельманович не курит в комнате? – поинтересовался незванный гость.

– Он предпочитает курить на свежем воздухе и не портить воздух окружающим, – с достоинством ответила миссис Норис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vyacheslav-prah/hram-motyl-kov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)